

сти, сделал наконец необходимым съезд чинов государства, яко последнее средство, к уврачеванию сего зла. Государственные чины воспользовались благоприятствующими обстоятельствами, в которых они находились и просвещением своего времени, к искоренению старых злоупотреблений, и к сочинению для государства нового Постановления».

Далее излагается довольно подробно конституция, принятая Людовиком XVI; излагается с явным сочувствием. Однако ко всему месту дано следующее примечание, более позднего происхождения: «Хотя сие постановление больше, сколько известно, не существует и уничтожено Анархией нынешнею во Франции, как и всякий порядок общественный, а на место оногo заступило Варварское неустройство: но поелику оное было утверждено человеколюбивейшим и купно несчастным законным государем Людовиком XVI, то яко повествователям, и не оставалось нам, при издании сего всеобщего повествовательного землеописания, как представить читателям Францию в том виде, в каком она еще представляла собой, как ни есть устроенную в числе европейских прочих, державу. Исключить же оную из числа держав при сем описании мы не находили довольно причин» (т. II, стр. 224).

Подробно излагая политический и юридический строй, создававшийся конституцией, авторы явно сочувственно рисуют новое положение вещей. В части, описывающей достопримечательности Франции, о Бастилии сказано: «Бастилия была крепкий замок с восьмью башнями, построенный Карлом V против нападения англичан. Людовик XI превратил оный в тюрьму, Генрих IV, сохраняя собранные благоразумною своею экономией сокровища, которые в первые годы правления его сына расточены. С того времени служил оный кардиналу Ришелье и его последователям, для заключения жертв их тиранства, до тех пор, пока Парижцы, 14 июля 1789 года не овладели оным, и совсем не разорили» (т. II, стр. 261).

В этих строках так же проглядывает сочувствие к разрушению Бастилии, как в примечании непонимание и неприятие всего, что последовало за провозглашением новой конституции.

Казнь короля, экономические мероприятия республики, революционный террор, — все это вызывает только философскую медитацию о превратности судеб и неумелости людей, впадающих из одной тирании в другую.